

В.А. Фатеев

ПЕРВАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

Рецензия на: Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭНН), 2010.

Хороших энциклопедических справочников у нас в стране до сих пор, несмотря на декларируемую финансовую поддержку науки и культуры, катастрофически не хватает. Поэтому выход в свет справочного издания объемом более 70 печатных листов, посвященного крайне слабо изученному консервативному направлению русской общественно-политической мысли, не может не радовать, а сама энциклопедия заслуживает самого пристального внимания. В обширной библиографии, которой завершается данное издание, приведено лишь пять энциклопедий и справочников, имеющих отношение к теме консерватизма, и поэтому не будет преувеличением сказать, что коллектив авторов, проделавших такую большую работу, можно назвать первопроходцами в этой области.

С середины XIX века в общественном мнении у нас, в России, господствовали леворадикальные настроения, а мыслители, политики и литераторы, верой и правдой служившие Отечеству и Церкви, подвергались огульной критике или замалчиванию. В советские времена не только все труды хоть сколько-нибудь консервативных писателей дореволюционного прошлого были изъяты из обращения, а их имена преданы забвению, но преследованию подвергались и те, кто осмеливался вспоминать о каких-либо достоинствах царского самодержавия или апологетах философского идеализма.

Тем не менее в бурные последние десятилетия, когда и либерализм, вслед за бесславно рухнувшим марксистско-ленинским социализмом, проявил себя «во всей красе», в нашей стране, особенно среди образованного слоя русских гуманитариев, наблюдается очевидный рост консервативных настроений. Уже

Валерий Александрович Фатеев — кандидат филологических наук, член редакционной коллегии издательства «Росток» (vfateyev@gmail.com).

давно прошло время огульного помещения всех сторонников традиционализма в лагерь «реакционеров», «обскурантов» и «охранителей». Поэтому вполне естественно, что наконец появилась современная энциклопедия, откуда любой человек может почерпнуть подробные, вполне объективные сведения о важнейших и интереснейших исторических личностях России, среди которых С.С. Уваров и митр. Филарет (Дроздов), С.П. Шевырев и М.П. Погодин, М.Н. Катков и Н.Я. Данилевский, Д.А. Толстой и К.П. Победоносцев, М.О. Меньшиков и Л.А. Тихомиров. В заслугу составителям энциклопедии можно поставить и содержательные статьи о таких не слишком известных консервативных деятелях и публицистах, как Е.В. Богданович, П.Ф. Булацель, А.И. Дубровин, П.И. Ковалевский, Б.В. Никольский, К.Н. Пасхалов, И.А. Родионов, К.П. Степанов, С.Н. Сыромятников.

Не обойдены, разумеется, вниманием и более неоднозначные, противоречивые, но очень активные и потому любопытные для обычного читателя личности: Ф.В. Булгарин и Н.И. Греч, кн. В.П. Мещерский и В.А. Грингмут, В.М. Пуришкевич и В.В. Шульгин, еп. Гермоген (Долганов) и иеромонах Илиодор (Труфанов).

Уже из этого выборочного перечисления имен видно, что охват энциклопедии весьма полон. Но составление подобного рода обширного справочника представляет огромные затруднения. Причиной тому не только крайне слабая изученность относящихся к этой теме материалов, прежде всего архивных, но и то, что консерваторы бывают очень разные и нередко им трудно найти общий язык даже между собой. Порой их разногласия определяются даже не степенью приверженности традиционализму, а совсем другими, не всегда поддающимися определению индивидуальными особенностями. Например, никак не могли прийти к идейному согласию такие вполне признанные консерваторы и ортодоксы православия, как К.П. Победоносцев и Т.И. Филиппов, а ультраконсервативному К.Н. Леонтьеву чуть ли не враждебным либералом представлялся даже Ф.М. Достоевский.

Кроме того, заметно выделяются два типа, две основные категории консерваторов, которые условно можно обозначить как консерваторы-политики и консерваторы-творцы, а их взгляды можно условно обозначить как консерватизм практический, или политический, партийный, и консерватизм идейный, или творческий, романтический. Например, такие консервативные мыслители и публицисты, как тот же Достоевский или В.В. Розанов, отличающиеся,

при всем консерватизме, сложностью взглядов, имеют мало общего например, с Пуришкевичем и Марковым 2-м или даже Катковым.

Поэтому выбор критерия понятия «консерватизм» для создания такого рода энциклопедии достаточно сложен, а составление словника персоналий для энциклопедического издания вызывает еще большую трудность.

Что касается консерваторов политического или идеологического склада, то тут всё относительно просто — степень приверженности политических деятелей консерватизму может быть почти буквально измерена их принадлежностью к определенной партии и, еще лучше, верностью давно известным консервативным идеалам: монархии, Православию и Отечеству. Единственным усложняющим критерием здесь может выступить разве что не только декларирование подобных формул, но единство слова и дела. Правда, этот фактор в ряде случаев перевешивает все остальные характеристики. Нередко важнейшее значение тут имеет не степень радикальности консерватизма того или иного мыслителя, а нравственная сторона личности.

Совсем иной тип личности, чем политики, представляют собой те консерваторы, которые занимались литературно-философской разработкой консервативных идей. Художественные натуры сложны сами по себе, и их взгляды обычно не столь прямолинейны, как у большинства политических деятелей. Нередко им присущи противоречия, которые не могут быть рассмотрены в пределах лишь одной «традиционалистско-консервативной парадигмы», как теперь выражаются. Тяготея в целом к философскому и идейному консерватизму, эти мыслители и художники слова на разных этапах своей биографии допускали значительные отклонения от «правой» политической идеологии. К таким мыслителям можно отнести, например, Н.П. Гилярова-Платонова, Ю.Н. Говоруху-Отрока, Ф.М. Достоевского, Н.Н. Страхова, В.В. Розанова, да и всех славянофилов.

Рассматриваемый здесь том был составлен и исполнен преимущественно профессиональными историками, и понятно, почему в нем почти с исчерпывающей полнотой представлены консерваторы первого типа, или консерваторы-политики. Политика, как известно, считается продолжением истории, и кому, как не историкам, исследовать личности и явления, относящиеся к политической истории. Историкам присущи большая терминологическая четкость, рационализм в структурировании политических явлений, а иногда даже и слишком прямолинейное оперирование политизированными дефинициями типа «правый», «левый», «национализм», «консерватизм», «либерализм» и т.п. Они нередко трактуют вопросы консерватизма в чреватой упрощениями партийной мане-

ре — pro или contra. Для них консерваторы — прежде всего «правые» политики, сидевшие в Государственной думе или состоявшие в таких организациях, как Союз русского народа или Русский монархический союз, открыто выступавшие в защиту самодержавия против нараставшего революционного движения и симпатизировавшего ему политического либерализма. Такой срез предреволюционной политической жизни, во многом сводящийся к право-монархическим объединениям, в энциклопедии представлен с достаточной полнотой и представляет собой ценный вклад в историю русской общественно-политической мысли.

Тем не менее с недоумением отмечаешь, что целый ряд видных и уже достаточно известных консервативных деятелей и публицистов в справочное издание «Русский консерватизм» не попал. Отсутствие таких имен, как архиеп. Никон (Рождественский), архиеп. Феодор (Поздеевский), В.М. Скворцов, Н.А. Энгельгардт и др., трудно оправдать чем-либо, кроме разве что недостатка места.

Значительное место в энциклопедии занимают статьи, посвященные различным консервативным и монархическим организациям, о которых обычный читатель имеет весьма смутное и нередко крайне негативное представление, унаследованное от официальной советской пропаганды. Это Русское собрание, Русское монархическое собрание, Союз русского народа, Всероссийский национальный союз, Союз русских православных людей, Русский народный союз имени Михаила Архангела, Русское окраинное общество и многие другие патриотические организации правого толка. Что касается этой стороны консерватизма, то она охвачена в энциклопедии почти с исчерпывающей полнотой.

Общая история эволюции консервативных идей в России, а также план и принципы издания энциклопедии изложены в большой вступительной статье «Консерватизм в России», написанной А.Ю. Минаковым и А.В. Репниковым. Авторы утверждают, что консерватизм как идейно-политическое движение сложился у нас в 1812 году. Ядро формирующегося русского консерватизма составили концепция необходимости сохранения самодержавной формы правления, а также опора на православную веру и Церковь. Неотъемлемой составляющей русского консерватизма с ранних пор, по мнению авторов программной статьи, был и национализм. Примерно те же принципы легли в основание знаменитой формулы министра народного просвещения А.А. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность», к которой авторы статьи, вслед за известным либеральным историком XIX века А.Н. Пыпиным, применяют термин «официальной народности», по уже сложившейся традиции распространяя его и на таких консервативных мыслителей и публицистов, как М.П. Погодин и С.П. Шевырев.

Славянофилы также отнесены авторами к консервативному направлению, хотя, по мнению авторов статьи, им скорее свойствен «антиевропеизм», чем последовательный антилиберализм. Идеальный расцвет русского консерватизма, как считают Минаков и Репников, наблюдался в конце 1870–1880-х годов, однако универсальная «консервативная философия» в России так и не сложилась. В начале XX века произошло сплочение консервативных сил и возникновение всесловных правомонархических объединений. Авторы статьи справедливо отмечают, что, несмотря на давний крах монархии, с началом 1990-х годов в России снова возник интерес к консерватизму.

Как уже отмечалось, подавляющее большинство статей, вошедших в эту энциклопедию, составленную под руководством доктора исторических наук В.В. Шелохаева, выполнено представителями исторической науки. Философы и филологи практически не участвуют в этом издании, и, может быть, именно поэтому философский и литературно-критический аспекты консервативного спектра русской культуры отражены в энциклопедии недостаточно полно. Поскольку энциклопедия создавалась главным образом учеными-историками, то она и соответствует их профессиональным представлениям о важнейших именах, исторических явлениях и понятиях, требующих включения в энциклопедию.

Относясь к этому принципу составителей с пониманием, нельзя все-таки не признать удивительным отсутствие в справочнике таких выдающихся отечественных имен, как Достоевский и Розанов. Что касается В.В. Розанова, то его творческий путь, конечно, был чрезвычайно извилист: крайний консерватизм 1890-х годов сменился у него относительно либеральным периодом первого десятилетия XX века и увлечением сомнительной темой пола, к тому же в сочетании с симпатиями к иудаизму. Однако, например, высмеянная Вл. Соловьевым «реакционная» статья Розанова «Свобода и вера» (1894) оказывается сегодня чрезвычайно актуальной, удивительным образом перекликается с современными спорами о пресловутой «толерантности». В 1910-е годы переменчивый Розанов вернулся к консервативным настроениям, и не будет преувеличением сказать, что такие его статьи 1910-х годов, как «Тьма», «Почему Азеф-провокатор не был узан революционерами», «Не нужно давать амнистию эмигрантам», как и его книги «Опавшие листья», «Литературные изгнанники», «Сахарна» и «Мимолетное», относятся к классике русского консерватизма. К тому же Розанов в присущей ему яркой, оригинальной, часто афористической манере высказал

свое мнение едва ли не о большинстве известнейших представителей консервативной мысли, вошедших в это издание.

Впрочем, отсутствие в справочнике статьи о Розанове не является слишком уж великой потерей для читателей, особенно учитывая наличие как 30-томного собрания его сочинений, так и огромной «Розановской энциклопедии».

Личность Розанова настолько сложна и противоречива, что невключение его в состав персоналий энциклопедии вполне можно было бы считать симптоматичным, когда бы в том не вошли статьи о других мыслителях со столь же неоднозначным отношением к консерватизму. Один из них — старший друг Розанова Н.Н. Страхов (ему посвящена отменная статья Н.П. Ильина). Страхов счастливо избежал резких идейных метаний, но исповедовал консерватизм весьма умеренного толка, а в последние годы жизни под влиянием своего близкого друга Л.Н. Толстого был, несомненно, более далек от консерватизма, чем тот же Розанов.

Отсутствие в составе персоналий гениального писателя и мыслителя Ф.М. Достоевского удивляет гораздо более, чем непопадание туда Розанова или любого другого писателя. Достоевский стал в наши дни поистине властителем дум, почти культовой фигурой традиционно и православно мыслящих, образованных русских людей. Конечно, это целый отдельный мир, и основательно изученное творчество Достоевского трудно уложить в прокрустово ложе энциклопедической статьи с ее ограниченной размерами. Да, Достоевский — прежде всего писатель, романист. Но даже если бы он был лишь автором романа «Бесы», то и в этом случае статью о нем следовало бы включить в издание, учитывая влияние выдающегося художника слова на прозрение фальши нигилистически-революционных и либеральных идеалов, на рост консервативных настроений у многих поколений молодых русских людей. Что же касается «Дневника писателя», то это периодическое издание Достоевского, наряду с такими книгами, как «Восток, Россия и славянство» К.Н. Леонтьева, «Россия и Европа» Н.Я. Данилевского, «Московский сборник» К.П. Победоносцева, «Борьба с Западом в нашей литературе» Н.Н. Страхова, вошло в золотой фонд русской консервативной мысли, и отсутствие в энциклопедии статьи об ее авторе, давно ставшем для многих в России и за ее пределами своего рода олицетворением отечественного консерватизма, не может не вызывать недоумение.

Основной массив энциклопедии занимают хорошо знакомые историкам по их профессиональной деятельности имена публицистов и политиков, и будет вполне понятно, если имя Достоевского не попало в состав энциклопедии

просто потому, что отнесено ее составителями к «посторонней» для них сфере литературы, к тому же Достоевский более чем известен и ему посвящено множество исследований. Однако именно вопрос о соотношении либеральных и консервативных тенденций в публицистике и критике Достоевского, а также об эволюции его взглядов, изучен не в полной мере. Даже, например, в наиболее авторитетном многотомном биографическом словаре «Русские писатели», в посвященной Достоевскому большой статье, его воззрения не анализируются подробно, а лишь характеризуются как противоречивое соединение религиозно-монархических, консервативных элементов с демократическими, как полемика против различных течений социальной мысли — «от консервативных утопий — до народнич<еских> и социалистич<еских> идей»¹ и даже «как предсказание близости глубокого социального переворота» (цитата из В.Г. Короленко²). Во всяком случае, специальная обобщающая статья на тему консерватизма Достоевского не только не помешала бы в энциклопедии, но и придала бы ей большую стройность — имя Достоевского не раз мелькает в разных статьях справочника.

Печально, однако, если «зияющее» отсутствие Достоевского явилось следствием влияния на концепцию составителей энциклопедии ультраконсервативного «византизма» К.Н. Леонтьева, который с неистовством радикала «справа» отлучал Ф.М. Достоевского от консерватизма за будто бы либеральные призывы к «всечеловечности» и «розовое христианство».

Самому Леонтьеву, фигура которого при жизни и долгое время впоследствии несправедливо недооценивалась и который стал сегодня одним из наиболее популярных представителей консерватизма, в энциклопедии отведено более десятка колонок убористой печати. Политические взгляды Леонтьева подверглись в статье, написанной А.В. Репниковым и М.А. Емельяновым-Лукьянчиковым, тщательному и квалифицированному разбору. Обращает на себя, однако, внимание тот факт, что оригинальные общественно-политические взгляды апологета «византизма» изложены в сугубо описательной манере, без какого-либо анализа, даже минимального, и тем более критики. Так, например, не отмечено наличие очевидных языческих элементов в воззрениях писателя, не дана характеристика его своеобразной «эстетике жизни», которую он добавлял к уваровской формуле. Без критических комментариев оставлено и скептическое отношение писателя к панславизму, хотя брат-

---

¹Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. Г–К. М., 1992. С. 173.

²Там же.

ская поддержка родственных славянских народов была составной частью консервативно-монархической политической программы. В статье «Панславизм» (автор В.Э. Багдасарян) критика Леонтьевым объединительного движения славян также практически не отражена. Позиция Леонтьева по национальному вопросу неоднозначна — отрицая ценность племенного союза, он скептически относится, собственно, и к национальности, трактуя освободительную борьбу славянских народов лишь как угрозу упрощения и либерального обуржуазивания.

В этой связи следует сказать, что волнующая всех национальная тема, составляющая если не главный нерв, то неотъемлемый элемент любых консервативных воззрений, в большой по объему энциклопедии звучит явно приглушенно.

Нельзя не признать, что в этом вопросе мы все еще во многом находимся в плену советских представлений. Одним из наиболее устойчивых пережитков прошлого является пресловутая теория «официальной народности», которой в энциклопедии посвящена отдельная статья. Как известно, в XIX веке в ходу было понятие «народность», которое особенно широко использовали славянофилы, притом не столько как синоним национальности, сколько для обозначения духовной самобытности русского народа. Как бы в дополнение к этому понятию и в противовес ему известным либералом А.Н. Пыпиным был позже создан термин «официальная народность», который получил широкое распространение и даже, несмотря на свою очевидную тенденциозность, вошел в научный оборот. Как не без иронии пишет автор статьи М.М. Шевченко, который относится к понятию «официальная народность» весьма критически, этот термин использовался для обозначения всего «непрогрессивного» в русской культуре. Шевченко подробно описывает как саму «систему официальной народности» в толковании Пыпина, так и историю последующего применения этого термина в трудах либеральных публицистов С.А. Венгерова, А.А. Корнилова, А.Е. Преснякова и др. Формула графа С.С. Уварова «Православие, Самодержавие, Народность», по мнению Пыпина, была «краеугольным камнем» этой идейной системы, хотя уваровская триада, которая воспринималась не более как идеологическая установка ведомства народного просвещения, ничуть не умаляла значения трудов самого Уварова в качестве министра. В посвященной Уварову статье того же М.М. Шевченко он «предстает как европейски известный ученый, дальновидный политик, выдающийся гос. деятель и организатор науки». Сама же формула графа Уварова может быть поставлена девизом всего

русского консерватизма и служить основным ориентиром при отнесении того или иного политика или публициста к консервативному лагерю.

Пыпинская трактовка применима разве что к Н.А. Гречу и Ф.В. Булгарину, чьи взгляды, также подробно рассмотренные в энциклопедии, могут, хотя и с оговорками, быть отнесены к «официальной» литературе — не без коммерческой составляющей («народность» в этом случае вообще ни при чем). В отношении же апологетов монархии и православия М.П. Погодина и С.П. Шевырева, к которым чаще всего и применяется «научное» выражение Пыпина, этот термин ныне выглядит всего лишь либеральным ярлыком. Охотно подхваченная советскими идеологами, теория «официальной народности» до сих пор мешает беспристрастному научному освоению богатого литературного наследия консервативных писателей и публицистов. Шевченко приводит, начиная с Н.И. Казакова, целый ряд имен современных исследователей, которые подвергли пресловутую пыпинскую теорию убедительной критике. И не удивительно, что сам автор энциклопедической статьи, делая вывод относительно перспектив термина «официальная народность», заявляет, что «отказ от его дальнейшего употребления в науч. исследованиях представляется назревшим».

В отличие от тенденциозной теории А.Н. Пыпина, созданная примерно в тот же период консервативная концепция культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского стала настоящим открытием в науке, что подтверждается и в посвященной ученому-мыслителю обширной статье (М.А. Емельянов-Лукьянчиков, А.В. Репников).

Следует отметить, что авторы не обошли вниманием не менее выдающийся, чем «Россия и Европа», хотя и недооцененный (и не переизданный) труд Данилевского «Дарвинизм», в котором доказывается ложность и научная необоснованность гипотезы о происхождении человека от обезьяноподобных. В статье приводится выразительная цитата из письма Данилевского к И.С. Аксакову, в котором говорится, что дарвинизм есть «зловреднейшее» учение, «хуже грубейшего атеизма-материализма»: опасность его в том, что на самом деле это не просто зоологическое или ботаническое учение, а целое мировоззрение, которое своим псевдонаучным характером увлекает людей на путь безбожия и нигилизма.

Обстоятельная статья посвящена П.А. Столыпину и его реформам (авторы П.А. Пожигайло и В.В. Шелохаев). Из ее текста следует, что гибкая политика Столыпина, направленная на разрешение основных проблем русского государства и общества, была умеренно-консервативной и имела своей целью «не

реакцию, а порядок», не столько охранение, сколько возрождение и развитие «Великой России».

Недостаточна по объему, на наш взгляд, статья об А.С. Суворине, практическая деятельность которого сыграла огромную роль в укреплении традиционных устоев в русской печати. Сам Суворин как журналист эволюционировал от либеральных взглядов к умеренному консерватизму, и в его многочисленных статьях, печатавшихся в рубрике «Маленькие письма», нашли отражение многие проблемы его времени. Суворин поддерживал консервативное направление русской общественной жизни. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что организационное первое заседание общественно-монархической организации «Русское собрание» состоялось в «Новом времени», а сам издатель газеты был одним из членов-учредителей общества, а также заместителем председателя «Русского собрания».

Сыновьям А.С. Суворина Борису и Михаилу на страницах энциклопедии отведено чуть ли не столько же места, сколько основоположнику семьи издателей, хотя их заслуги не идут ни в какое сравнение с заслугами отца. Правда, само «Новое время» — по отзывам современников, единственная консервативно ориентированная из успешных газет в предреволюционный период, — удостоилась статьи довольно большего объема, и это, конечно, существенное дополнение именно к биографии А.С. Суворина. В статье о «Новом времени» говорится, что газета «в целом поддерживала политический курс П.А. Столыпина», однако почему-то умалчивается о том, что после убийства премьер-министра издание вело активную идейную борьбу с либеральными газетами типа «Речи» и «Дня», идейно готовившими это убийство. Острые статьи М.О. Меньшикова, В.В. Розанова, А.А. Столыпина и других публицистов сделали «Новое время» оплотом русского патриотизма. Еще одно острое полемическое столкновение с радикальной прессой состоялось в период дела Бейлиса и продолжалась уже до самой революции.

Из критиков, писавших для «Нового времени», не включен в энциклопедию не только Розанов, но и В.П. Буренин. К классическим консерваторам его, конечно, никак не отнесешь, но начиная с 1890-х годов до самой революции этот «Терсит русской печати» написал немало едких фельетонов о политиках. Его личность считается до сих пор одиозной, однако среди огромного количества написанных им статей, до сих пор не собранных воедино, встречаются очень талантливые и остроумные сочинения, в том числе и в консервативном духе.

Несравненно больше повезло М.О. Меньшикову, который воспринимается составителями, судя по отведенному ему объему текста (статья А.В. Репникова и С.М. Саньковой), одним из корифеев консерватизма, хотя в самой статье подробно и без упрощений и прикрас показаны разные оттенки мнений Меньшикова, а в качестве заметно оживляющих исследование примеров приводятся выразительные цитаты из конкретных его сочинений. Видно, что авторами основательно изучен обширный фактический материал.

А.С. Суворин привлекал к сотрудничеству в «Новом времени» самых талантливых публицистов консервативной направленности. Помимо главных «перьев» — Меньшикова, Буренина и Розанова — еще одним сотрудником газеты, которому в энциклопедии посвящена отдельная статья, был С.Н. Сыромятников («Сигма»), хотя в «Новом времени» он был не на главных ролях. Помимо Буренина, из сотрудников «Нового времени» хотя бы кратких статей в энциклопедии заслуживали брат убитого премьер-министра А.А. Столыпин, Н.А. Энгельгардт и целый ряд других авторов.

Недостаточно представлены в справочнике и церковные деятели, хотя в ней можно найти немало крупных и достойных имен: митр. Филарет (Дроздов), еп. Иннокентий (Смирнов), архим. Фотий (Спаский), св. прав. Иоанн Кронштадтский, св. новомученик прот. Иоанн Восторгов. Православное духовенство составляет особый вид консерватизма: уже по самой религиозной специфике своей деятельности священники и монахи относятся к наиболее консервативной части русского общества. Недаром духовенство подверглось почти поголовно истреблению в годы безбожного коммунистического правления. В энциклопедии явно не хватает статей о таких деятельных и влиятельных консервативных архиереях, как архиеп. Никон (Рождественский), архиеп. Феодор (Поздеевский), архиеп. Феофан (Быстров). Не попал в нее и известный не только своими крайне консервативными взглядами, но и подвижнической церковной деятельностью новомученик Михаил Новоселов.

Слишком мала статья о знаменитом педагоге С.А. Рачинском, академике ботаники, посвятившем свою жизнь обучению крестьянских детей в православном духе. Рачинский обладал множеством талантов и, помимо педагогики, проявил себя незаурядным духовным писателем. Друг Победоносцева, он был настоящим консерватором по убеждениям, и та небольшая статья, которая вошла в энциклопедию «Консерватизм», не вполне раскрывает его разносторонне одаренную и благородную личность. Хотя в библиографии к статье имеется ссылка на современное издание книги Рачинского «Сельская школа»

(М., 1991), в ней читатель не найдет самых важных в идейном отношении статей, входивших в дореволюционные издания, так что можно считать этот выдающийся памятник церковно-консервативной мысли не переизданным. Существенным недостатком статьи является отсутствие каких-либо подробностей об огромной и очень ценной в отношении консервативной проблематики переписке Рачинского, хотя ссылки на архивы РНБ и НИОР РГБ в статье приводятся. Среди корреспондентов Рачинского были многие консерваторы, сведения о которых вошли в данный том, в том числе, помимо Победоносцева, архиепископ Никон (Рождественский), Т.И. Филиппов, Л.А. Тихомиров, свящ. И. Фудель, В.В. Розанов. Но особый интерес представляет, конечно, не изданная до сих пор переписка Рачинского с Победоносцевым, что красноречиво говорит об общем состоянии дел в сфере сохранения консервативного наследия.

Биография и взгляды К.П. Победоносцева, являющего собой классическое, всемирно известное олицетворение русского консерватизма, получили в энциклопедии достойное освещение. К очень содержательной статье (автор А.В. Репников) приложена и соответствующая большой теме библиография.

Вопрос о принадлежности к консерватизму того или иного мыслителя или общественно-политического деятеля является весьма сложным и довольно условным. Так, до сих пор нет единого мнения о том, можно ли считать консерваторами славянофилов, взгляды которых на монархию и отношения с властью предрешающими были далеки от идеального согласия.

Включение в справочное издание статей о крупнейших славянофилах и почвенниках, конечно, нельзя не приветствовать. Среди историков славянофильства в советское время установилась тенденция выпячивания либеральных элементов в идеях славянофилов (особенно преуспел в этом Н.И. Цимбаев). Может быть, это в какой-то степени и облегчало продвижение в печать их трудов и посвященных им исследований, но не вполне соответствовало истине. Славянофилов почти всегда в равной степени упрекали и в ретроградстве, и в либерализме. Безусловно, либеральные элементы имеются в их взглядах — недаром они постоянно подвергались преследованию цензуры, однако как мыслители-традиционалисты они, разумеется, относятся к консервативному направлению отечественной духовной культуры. Опора на народность и православие, лежащие в основе их взглядов, вполне позволяют сделать такой вывод. Другое дело, что в триаде «Православие, самодержавие, народность» у славянофилов наблюдается тенденция поставить на первое место принцип народности. Недаром

сами славянофилы нередко называли своих единомышленников «русской партией».

Обращает на себя внимание то, что некоторые авторы статей энциклопедии широко употребляют в положительном или нейтральном смысле термин «национализм», хотя в общественном мнении с давних времен устоялось негативная трактовка этого понятия. Во всяком случае, ожесточенные споры вокруг этого термина продолжаются до сих пор. Следует отметить, что в дореволюционную эпоху публицисты для обозначения национального самосознания обычно использовали понятие «народность», лишенное негативного оттенка и близкое к идее патриотизма.

Казалось бы, энциклопедия «Русский консерватизм» могла и уделить внимание этому сложному терминологическому вопросу. Ведь в ней содержится целый ряд тематических статей, разъясняющих малоизвестные консервативные явления и движения — от «Автаркии» до «Этатизма». Из статей этого ряда наиболее актуальна, пожалуй, статья «Прогресс» (М.Ю. Чернавский), содержащая обзор консервативных воззрений на этот важнейший пункт любой либеральной программы, ставший в наши дни поистине *idée fixe* либерализма. Анализ других тематических статей позволяет сделать вывод, что редакция энциклопедии строго придерживается установки на научно-объективный стиль изложения, держась преимущественно фактической канвы событий, и избегает прямолинейных оценок.

В энциклопедии явно не хватает статьи «Народность» — в наше время это несколько размытое, но популярное в XIX веке понятие употребляется гораздо реже, причем как синоним понятия «этнос», а его первоначальное значение («национальный дух») не всем и известно. Сейчас это сугубо положительное понятие часто подменяется более прямолинейным термином «национализм», хотя сам термин трактуется в публицистике, в зависимости от индивидуальных взглядов, как в положительном, так и в резко отрицательном смысле. Сопоставление на конкретных примерах понятий «народность», «национализм» и «патриотизм» в трактовке разных консервативных мыслителей, несомненно, добавило бы глубины историческому справочнику.

Неотъемлемой частью истории дореволюционного консерватизма, требующей подробного освещения в такого рода энциклопедии, наряду с персоналиями и основными политическими союзами «правых», являются консервативные органы печати. В справочнике с большой тщательностью прослежена деятельность таких периодических изданий, как журналы «Маяк», «Москвитя-

нин», «Русский вестник», «Русское обозрение» и «Свидетель», газеты «Варшавский дневник», «Московские ведомости», «Русское знамя» и даже «Саратовское вече» (непонятно, почему составители пропустили «Вече» — важное московское издание, одну из популярных консервативных газет). В то же время в перечень консервативных изданий попал даже «Телескоп», пострадавший в 1836 году за далекие от консерватизма «Философические письма» Чаадаева, зато нет скандально знаменитой монархической «Земщины», как нет и известной церковно-политической газеты «Колокол», откликавшейся на главные общественно-политические события в консервативном духе. Отсутствует в энциклопедии и статья об издателе «Колокола» миссионере В.М. Скворцове, чиновнике особых поручений при К.П. Победоносцеве, который был заметной фигурой консервативно-церковного направления. Уместна была бы и статья о консервативной московской газете «Русское слово», которую основал в 1895 году А.А. Александров, издававший и журнал «Русское обозрение». В этой ежедневной газете, перекупленной И.Д. Сытиным и превратившейся со временем в один из главных рупоров либерализма в периодике, в 1895–1897 годах было напечатано немало интересных статей ныне популярных консервативных публицистов.

В энциклопедию вошла статья о малоизвестном журнале «Свидетель» — «личном органе Сергея Шарапова». Однако более логичным и полезным было бы включение в нее сведений о газетах, которые С.Ф. Шарапов издавал с 1886 до 1907 года с большими перерывами и под разными названиями («Русское дело» и «Русский труд»).

В заключение хотелось бы сделать два несущественных замечания по поводу связанной с консерватизмом терминологии. Вызывает сомнения употребляемое в энциклопедии понятие «либерально-консервативный» — оно так же ненаучно, как любой оксюморон типа «горячий снег» или «живой труп». А ведь давно существует понятие «умеренный консерватизм», которое ничем не хуже и выглядит более естественным.

Некоторые современные авторы пытаются ввести в научный оборот понятие «хранительство» вместо привычного с дореволюционных пор «охранительства» (М.А. Маслин, А.А. Ширинянц), находя во вводимом термине ослабление негативного смысла. Но вряд ли между этими вариантами есть какая-либо существенная смысловая разница, и нет ни малейшей уверенности, что воинствующие либералы отнесутся к «хранителям» духа традиционной России с большим почтением, нежели их идейные предшественники к сторонникам «охранительства», да и сам этот вариант уже привычен.

Как бы то ни было, в целом энциклопедия «Русский консерватизм» имеет несомненную ценность для широкого круга читателей. Несмотря на отдельные отмеченные нами недостатки в тематических статьях и в персоналиях, это фундаментальное издание является полезным для современных читателей источником информации о малоизвестных сторонах отечественной истории, а также предоставляет ученым богатые возможности для дальнейшей разработки включенных в нее тем и исторических фигур.